

ДЕБЮТ

ОЛЬГА
ГРИГОРЬЕВНА
ДЕМЧЕНКО

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЯ В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»

Гендерный аспект знакомого произведения позволяет раскрыть в нем новые смысловые пласты и проследить, каким образом социальный пол влияет на речь и речевое поведение главной героини романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» матери Манефы.

Проблемой взаимоотношений социального пола (гендера) и культуры наука занимается давно и широко. Ученые рассматривают: 1) теоретические проблемы гендера; 2) гендер и социологию; 3) гендер и психологию; 4) гендер и литературу; 5) гендер и лингвистику [Потапов 2002:103-130; Пушкарев 1999:19-29; Клецина 2002:181-191; Рюткенен 2000:5-18; Сатклифф 2000:117-132].

Широкое обращение к проблеме гендера в последнее время обусловлено, по мнению О. Л. Антинескула, всеобщей тенденцией к антропоцентризму и интеграции различных отраслей гуманитарного знания (напомним, что в современной науке пол рассматривается не как биологический фактор, а как многокомпонентный социокультурный феномен) [Антинескул 2000:6]. Так, по мнению Е. Трофимовой, термин «гендер» обозначает социальные нормы, правила и роли, приписываемые людям обществом в зависимости от их биологического пола [Трофимова 2001:73].

«Впервые фактор пола в его связи с языком возник в античности при осмыслении категории грамматического рода», — отмечает А. В. Кирилина. В XVII в. филологическое знание расширилось за счет открытия мужского («нормального») и женского (отклонения от нормы) вариантов языка. В 1913 г. Ф. Маутнер установил, что различия в языке возникают из-за социальных и исторических причин. По Маутнеру, женщины менее образованны (на тот отрезок времени, конечно), они лишь способны усвоить создаваемый мужчинами язык. В 1960-е гг. социолингвистика подтвердила: пол носителей языка определенным образом влияет на языковую компетенцию [Кирилина 1998:51-54]. В конце 1960-х—начале 1970-х гг., одновременно с возникновением нового женского движения, на За-

паде появились исследователи феминизма (С. де Бовуар, Б. Фридан, Л. Иригарэй, Ю. Кристева, Э. Сиксу и др.), которые на примере культуры, связывающей понятия о человеке и подлинно человеческих качествах только с мужчиной, показали ее патриархатный, маскулинный характер [Трофимова 2001:74]. Приверженцы феминизма и по сей день (!) убеждены, что мужчины притесняют женщин во всех областях культуры, включая языковую.

Гендерные проблемы, по мнению И. Г. Ольшанского, изучает сегодня лингвокультурология, но они все же не исчерпываются рамками этой науки, цель которой — описание обыденной картины мира в том виде, как она представлена в повседневной речи носителей языка, в разных (вербальных и невербальных) текстах культуры и различных дискурсах [Ольшанский 2000: 28-46].

Дискурс, как отмечал Ж. Лакан, — это не только способ говорения, но и средство формирования мышления, в том числе и гендерной стереотипности [Цит. по: Трофимова 2002:179]. В каждой культуре поведение людей, как известно, регулируется представлениями о том, как следует вести себя в стереотипных ситуациях в соответствии с социальными ролями [Горелов, Седов 2001:141], а подчинение женщины тоже связано с разными статусами, которые приписываются полам [Козлова 1999:164].

С. де Бовуар писала по этому поводу: «Читаем ли мы Канта, Руссо, Гегеля или Дарвина, везде мы находим противоположные характеристики мужчины и женщины: женщины любят красоту, мужчины — правду; женщины — пассивны, мужчины — активны; женщины — эмоциональны, мужчины — рациональны и т. д...» [Цит. по: Брандт 1998:167].

Если половые различия имеют источник в природе, то *гендерные* — в культуре. «Ценности и представления, касающиеся роли женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы регулируются на ментальном уровне общественного сознания, уходящем корнями в далекое прошлое и передающемся из поколения в поколение» [Митина 1999:179].

По мнению О. В. Митиной, например, «Книга Притчей Соломоновых» содержит основные характеристики идеальной жены: трудолюбие, верность, активность, здоровье (физическое и душевное), милосердие, заботливость, оптимизм, мудрость и неболтливость (просто ангел какой-то!). Женщина раннего христианства должна была знать свое место, служить и повиноваться своему мужу-хозяину. Напротив, культурная модель семейных отношений в дореволюционной России отдавала главную роль не по признаку пола, а по старшинству [Митина 1999:180-184]. В некоторых аспектах статус русской женщины в XIX в. был выше, чем на Западе. Женщину мужчина рассматривал «как человеческую личность, имеющую равную с ним ценность» (Ш. Курильски-Ожвэн) [Цит. по: Митина 1999:184]. Таким образом, традиционное представление о «женской этике», сформулированное в XVIII в. и широко распространенное в XIX столетии, сводилось примерно к следующей схеме: женщина создана для того, чтобы угодить мужчине, она обязана почитать его, и тогда он, работающий и добывающий хлеб насущный, даст ей на жизнь и на пропитание. Принижались и сферы деятельности женщин. Одновременно культивировался некий *идеальный образ*, к которому всякая женщина должна стремиться: быть нежной, покорной, доброй, слабой и т. д.; «душевная сила так же мало пристала женщине, как и сила физическая» (В. Микулич) [Цит. по: Трофимова 2002:75].

Речь и речевое поведение женщин как в науке, так и в бытовом сознании тоже порождает множество стереотипов. Так, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова считают, что женщины: 1) болтливы; 2) любят задавать вопросы; 3) любят переспрашивать; 4) пристрастны к чрезмерностям в оценках и обращениях; 5) любят употреблять пустые слова; 6) часто не заканчивают свою речь; 7) меньше сквернословят и употребляют грубые, резкие выражения, чем мужчи-

О. Трофимова. МАРИЯ

женской речи менее сильно влияние фактора «профессия»; 3) в женской речи в ситуациях фамиллярного общения, чаще между партнерами одного пола, возможно намеренное употребление стилистически сниженной лексики, что обычно служит демонстрацией непринужденности общения, психологической раскованности; возможно употребление грубой сниженной лексики с уменьшительными суффиксами; 4) типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии — особенно при выражении оценочных значений [Здравомыслова, Темкина 1999:121-122] и вообще 5) женщины больше, чем мужчины, говорят о своих чувствах, переживаниях [Земская, Китайгородская, Розанова 1993:129]. В женской речи также часто встречаются частицы, отрицания, местоимения; формы превосходной степени, «ласкательные» выражения [Колесов 1991:100-101].

«Миф о русской женщине» несколько отличается от расхожего мнения о женщине вообще: О. В. Рябов, например, отмечал, что «называть женщин «слабым полом» в России несправедливо, как нигде более» (видимо, влияние Н. А. Некрасова), а В. С. Соловьев считал основными качествами русской женщины чистоту, непорочность, скромность и целомудрие [Рябов 2000:29].

И все же образ *русской* женщины в гендерном аспекте изучен, с нашей точки зрения, недостаточно [см.: Митина, Петренко 2000:68-85]. Именно поэтому мы

ны; 8) более вежливы; предпочитают использовать косвенные просьбы, чем приказы и прямые просьбы; 9) меньше перебивают, чем мужчины [Земская, Китайгородская, Розанова 1993:91].

Типично женскими тактиками речевого поведения считаются также уступчивость, кооперативность, высказывание утверждений в форме вопросов [Кирилина 1998:56]. Разрушительной же стратегией речевого поведения у женщин считается молчание: выражение чувств невыгодно только тогда, когда другие сдержанны и отказываются разделять и выражать эмоции [Земская, Китайгородская, Розанова 1993:98].

К лексическим особенностям женской речи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина относят следующие: 1) женщины в бытовых ситуациях часто используют приблизительные обозначения; 2) в

обратились к анализу речи и речевого поведения героини произведений П. И. Мельникова-Печерского с позиций гендера.

По нашему мнению, приближенный к идеальному образ русской женщины был создан П. И. Мельниковым-Печерским в дилогии «В лесах» и «На горах». Как отмечала В. Ф. Соколова, Мельников вообще интересовал вопрос о раскрепощении женщины, он еще в XIX в. признавал за женщиной право самой определять свою судьбу [Соколова 1975:70]. Эту мысль, по нашему мнению, П. И. Мельников выразил наиболее ярко в своем романе «В лесах».

В центре этого произведения – богатый купец, «тысячник» Патап Максимыч Чапурин со своей семьей и его родная сестра Манефа. Любопытно, что прототипом героини была реальная мать Манефа, могила которой находится в Нижегородской области (недалеко от бывшего Комаровского скита) и высоко почитается старообрядцами [Мир 2003:140]. Мать Манефа (Матренушка) – тетя Насти и Параши (дочерей Чапурина) – игуменья Комаровского скита, ей немногим более 60 лет. Эта благочестивая ныне женщина в молодости, по неопытности, допустила ошибку: полюбив молодого и привлекательного, но бедного Якима Прохоровича Стуколова, она, втайне ото всех, родила дочь – Фленушку, но после родов (чтобы замолить грехи) ушла в скит. По прошествии времени Манефа стала игуменьей, а дочь свою (в пятилетнем возрасте) забрала от чужих людей к себе на воспитание.

По словам рассказчика, в молодости Матренушка была «высокая, стройная, из себя красивая», «но гордая, спесивая», «степенная, неприступная». «И такая была у ней повадка важная, взгляд да речи такие величавые (выделено нами. – О. Д.), что ни один парень к ней подступиться не смел» [Мельников 1984:1:148].

Автор дает нам представление о речевом поведении героини, специфике ее речи, которые мы и исследуем с точки зрения гендера и других экстралингвистических факторов (место и время общения; социальный статус коммуникантов; количество собеседников, участвующих в разговоре).

Более всего речь и речевое поведение матери Манефы представлены в бытовых коммуникативных ситуациях. В бытовом дискурсе с мужскими персонажами (Патапом Максимычем, отцом) Манефа более смиренна, пассивна, немногословна и сдержанна, нежели с женщинами (с канонницей Евпраксией, послушницей и своей внебрачной дочерью Фленушкой и др.). Для выражения немногословности героини в разговорах с мужчинами используются как лексические средства: слова рассказчика («молчит, как неживая» [Мельников 1984:1:149]), так и синтаксические: пунктуация (многоточие). О насыщенной эмоциональности в беседах между женщинами также говорит нам рассказчик («взволнованным донельзя голосом» [Мельников 1984:2:282]) и сама речь игуменьи: частицы, определенная интонация (выраженная на письме восклицательными знаками и многоточием), слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, повтор имени (усиление коммуникативной позиции): «Ах, Фленушка, моя Фленушка!.. Родная ты моя!.. Голубушка!.. Как бы знала ты да ведала!..» [Мельников 1984:1:147].

Таким образом, героиня (в силу гендерных стереотипов) ведет себя как обычная женщина: она эмоциональна с представительницами своего пола и смиренна с мужчинами.

В не менее важном для героини религиозном дискурсе как с мужскими, так и с женскими персонажами Манефа активна и естественна. С Василием Борисычем (московским гостем) она, например, спорит «величаво» и даже «язвительно усмехнувшись», «с желчной улыбкой». С канонницей мать Манефа говорит, «покачивая головой и не слушая речей Евпраксии» [Мельников 1984:1:46]. Такое поведение обусловлено законами жизненного уклада той эпохи (патриархата), где мужчина доминировал в бытовой сфере, а женщина верховодила в вопросах религии.

Мы выяснили также, что на речь и речевое поведение матери Манефы влияет социальный статус. С равными себе *по социальному статусу* героиня более сдержанна и благожелательна (с Патапом Максимычем и его женой Аксиной Захаровной Манефа, например, более «тиха» и «смирена» [Мельников 1984:1:51]), чем с теми, кто находится в ее подчинении (с Аркадией, Виринеей и др.) или каким-то другим образом зависит от нее (с послушницей Фленушкой, работником брата Алексеем и др.): с ними Манефа строга, активна и эмоциональна («продолжала мать Манефа не допускающим противоречия голосом» [Мельников 1984:1:291], «вся побагровев, вскрикнула...» [Мельников 1984:1:325]). С Марьей Гавриловной (вдовой, дающей деньги Манефе) игуменья иногда говорит «униженно и скорбно», соглашаясь с собеседницей (в рамках бытового дискурса). А на мать Аркадию героиня позволяет себе «грозно» кричать и обзывать подчиненную («дура»). Такое поведение закономерно при определенных общественных устоях: «подчиненный подчиняется», «начальник начальствует».

На речь и речевое поведение героини влияет не только гендер и социальный статус, но и другие экстралингвистические факторы: такие, например, как место и время общения. *На чужой территории* (например, в доме Чапурина) Манефа пассивна и «тиха» («спокойно и холодно отвечала Манефа»), употребляет в своей речи ласковые слова для «умасливания» собеседников: «голубушка», «наш заступник». *У себя же в скиту* игуменья спрашивает «строго», «нахмурившись» и даже «топнув ногой» [Мельников 1984:1:383], что свидетельствует о большей раскрепощенности и эмоциональности героини.

Фактор времени общения, как и фактор места, обуславливает особенности речи и речевого поведения героини. *В зрелом возрасте* мать Манефа более коммуникативно активна с собеседниками, чем в молодости, что объясняется повышением ее социального статуса (от девушки, келейницы до игуменьи, женщины средних лет, много перестрадавшей в жизни). «Матренушка»-девица больше молчит, смущается и сдерживается. Манефа-игуменья говорит «величаво», «едва заметно склонив голову» [Мельников 1984:1:395], она также «возражает» и «приказывает начальственным голосом» [Мельников 1984:1:147].

В романе «В лесах» главная героиня вступает в коммуникативные ситуации, включающие разное количество собеседников, которое тоже влияет на речь и речевое поведение матери Манефы. В полилогах (с семьей Чапуриных) Манефа сдержанна, «тиха и смирена». В диалогах игуменья более активна и эмоциональна, но все же не так, как во внутренних монологах: там героиня полностью отдается во власть чувств. Такое поведение, по-видимому, обусловлено рамками речевого этикета, которые выдвигает общество по отношению к говорящему субъекту.

Возвращаясь к сказанному ранее, отметим, что в речи и речевом поведении женщин фактор профессии отражается менее отчетливо, чем в речи и речевом поведении мужчин. Исследуя же этот вопрос относительно главной героини романа П. И. Мельникова, мы пришли к несколько другим выводам. *Социальная роль Манефы* – игуменья – влияет на речь и речевое поведение героини: употребление фраз из Писания («...Господь сказал: «Грядущего ко мне не изжену ...» [Мельников 1984:1:57]), религиозная тематика в беседах, монашеское поведение при разговорах (постоянные поклоны перед иконами и собеседниками, чтение молитв: «Бог простит, Бог благословит (выделено нами. – О. Д.), – сказала, кланяясь в пояс (выделено нами. – О. Д.) Манефа, потом поликовалась с Аграфеной Петровной и низко поклонилась (выделено нами. – О. Д.) Ивану Григорьевичу...» [Мельников 1984:1:113]).

Итак, проведенный нами анализ показал: гендерные стереотипы и другие экстралингвистические факторы влияют на речь и речевое поведение матери

О. Трофимова. МУЗЫКАНТША (Тэорба)

Манефы. В романе П. И. Мельникова-Печерского сохранены многие русские традиции, связанные с менталитетом русского человека. Автор в своем произведении отобразил современную ему эпоху со всеми ее особенностями, включая особенности речевого поведения мужчин и женщин. Таковым было сознание русского человека полтора века тому назад. Вопрос о стереотипности сознания современного человека — тема уже другой работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Антинескул О. Л. Гендер как параметр текстообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.
- Брандт Г. А. Природа женщины как проблема // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.
- Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*. 1998. № 2.
- Клецина И. С. Развитие гендерных исследований в психологии // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3.
- Козлова Н. Н. Гендер и вхождение в модерн // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5.

- Колесов В. В. Язык города. М., 1991.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский) В лесах: В 2 кн. М., 1984. Кн. 1, 2.
- См.: Мир русского слова. 2003. № 2.
- Митина О. В. Женское гендерное поведение в социальном и кросс-культурном аспектах // Общественные науки и современность. 1999. № 3.
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1.
- Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце 20 века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце 20 века. М., 2000.
- Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1.
- Пушкарев Л. Н. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1.
- Рюткенин М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3.
- Рябов О. В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3.
- Сатклифф Б. Критика о современной женской прозе // Филологические науки. 2000. № 3. и др.
- Соколова В. Ф. Островский и Мельников-Печерский // Русская литература 1870–1890 годов: Сб. 8. Свердловск, 1975.
- Трофимова Е. Словарь гендерных исследований // Высшее образование в России. 2001. № 3.
- Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

ТАТЬЯНА
МАРСЕЛЬЕВНА
ЧЕСКИДОВА

ТЕРМИНЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА (к проблеме терминологичности языковых единиц)

В статье определены основные проблемы выделения терминов уголовного права из текста закона и предложены возможные пути их решения.

В последнее десятилетие российское право переживает масштабную кодификацию практически во всех своих отраслях: страна получила новую Конституцию, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы, КЗоТ и другие нормативно-правовые документы. Меняются юридические нормы, меняются и способы их изложения. Правоведы столкнулись с проблемой несовершенства юридической, в том числе уголовно-правовой, терминологии: они справедливо заметили, что в старом (1961 г.), Уголовном кодексе «неопределенность формулировок закона обуславливала невосприятие населением соответствующих деяний как преступных. В результате законодатель фактически сам способствовал насаждению правового нигилизма» [Комментарии 1996:3-4].